

О Т З Ы В

официального оппонента на диссертацию Виловатых Анны Вячеславовны «Военно-политические процессы в Кавказском регионе и их влияние на безопасность Российской Федерации», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук (специальность 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии)

Квалификационная работа А. В. Виловатых посвящена **актуальной** теме военно-политических процессов, развивающихся в Кавказском регионе, и специфики их влияния на безопасность Российской Федерации.

Стремясь **обосновать** научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, соискатель обращается к собственной эмпирической базе, составленной из результатов проведенного им экспертного опроса и анализа разнообразных документов, включая международные и национальные нормативные правовые акты, материалы прессы и научные публикации по теме исследования, в том числе квалификационные работы коллег (диссертации или авторефераты 10 ученых-политологов и философов за период 1998 – 2015 гг.). В их число попала и только что защищенная в Нижегородском государственном университете им. Н.И.Лобачевского диссертация И.В.Кирилова на тему «Военная политика, военно-политические процессы и проблемные аспекты в системе обеспечения военной безопасности в современной России». Не упомянутая в диссертации, она тем не менее отмечена в автореферате.

Соискатель использует научно-методический аппарат системного анализа. В процессе сбора первичной информации автор применял методы экспертного опроса и анализа документов, а при обработке полученных результатов – общенаучные методы анализа и синтеза, индукции, дедукции и аналогии. К сожалению, автор не упомянул метод библиографического поиска, который он, несомненно, использовал в своем исследовании.

Обращает на себя внимание утверждение диссертанта о том, что *«наиболее релевантной методикой оценки военно-политических отношений, относительно угроз национальной безопасности является контент-анализ нормативно-правовых документов, в которых содержатся позиция (подчеркнуто оппонентом) государства относительно проведения военной*

политики» (с.78). В тексте еще не раз упоминается контент-анализ документов (с.97, 100, 107, 125, 166, 169) Между тем выполненный автором анализ нормативных правовых документов государств Кавказского региона вряд ли можно назвать контент-анализом. Проведенную А. В. Виловатых работу следует квалифицировать как политико-правовой анализ, сравнительно-правовой анализ и просто анализ содержания. В строгом смысле использованная соискателем методика – это никак не контент-анализ, предполагающий формализацию больших текстовых массивов с последующей качественной интерпретацией полученных количественных величин частоты или объема. В диссертации же вполне добросовестно использован метод анализа документов, как это заявлено на с.10.

Тем не менее логика рассуждений А. В. Виловатых не вызывает сомнений и может быть признана вполне убедительной, а ее выводы и рекомендации представляются достаточно обоснованными.

К выводу о **достоверности** полученных соискателем научных результатов можно прийти, убедившись в достаточно полном и точном изложении им конкретных фактов, а также следуя избранной им структурной схеме построения материала, в которой одни положения логично вытекают из других и подтверждаются ссылками на источники и примерами из реальной военно-политической практики.

Для раскрытия заявленной темы и понимания ее **новизны** важны все четыре положения, вынесенные диссертантом на защиту. Они касаются общетеоретического вопроса о содержании понятия «военно-политический процесс» и взглядов автора на конкретные вопросы о факторах, влияющих на военно-политические процессы в Кавказском регионе, порождаемых ими угрозах и приоритетных направлениях защиты от них.

И здесь кроется серьезное методологическое затруднение, вполне естественное для сложного гуманитарного исследования: одни военно-политические процессы могут сами по себе являться факторами, влияющими на другие военно-политические процессы. Кроме того, и факторы, и процессы могут рассматриваться как угрозы (источники угроз) для безопасности страны.

С такой оговоркой тем более важно дать развернутую классификацию военно-политических процессов по разным классификационным признакам (месту в общем военно-политическом процессе, реализуемым в них функциям, акторам, масштабности и характеру). В классификации факторов можно было бы, особо оговорив это, сосредоточиться на экзогенных факторах, то есть факторах, действующих на военно-политические процессы извне, отделив их от факторов эндогенных, связанных с собственным

перекрестным воздействием друг на друга различных военно-политических процессов.

Именно так, связывая военную опасность с совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы, Военная доктрина Российской Федерации различает в пп.12 и 13 основные внешние и внутренние военные опасности¹.

Критические **замечания** по оппонируемой диссертационной работе относятся как раз к предложенному соискателем перечню военно-политических процессов, а также факторов, определяющих характер, масштаб, динамику и формы военно-политических процессов современности.

Возражения оппонента вызывает неполный перечень военно-политических процессов, рассматриваемых соискателем в своем исследовании. Показаны отнюдь не все военно-политические процессы, развитие которых порождает или усугубляет угрозы военной безопасности Российской Федерации в Кавказском регионе.

В рамках некоторых из оставшихся вне поля зрения соискателя военно-политических процессов могут возникать как косвенные, опосредованные, так и прямые или непосредственные угрозы. Например, в результате принятия необоснованных решений в процессе строительства вооруженных сил и поддержания их в заданной степени к боевому применению (в целом или в части, касающейся группировки войск и сил флота, развернутой в пределах Южного военного округа).

Так было при реорганизации системы тылового и медицинского обеспечения ВС РФ, при реорганизации системы военных образовательных учреждений высшего профессионального образования, когда возникли неуправляемые ВУНЦы, насчитывавшие до 40 тыс. человек, понесли невосполнимые потери Военно-инженерная академия им. В. В. Куйбышева, Военная академия химической защиты им. С. К. Тимошенко, чуть было не расформировали тверскую Военную академию ПВО им. Г. К. Жукова, а ведущие учебные и научные центры – Военно-воздушная академия им. Ю. А. Гагарина и Военно-воздушная инженерная авиационная академия им. проф. Н. Е. Жуковского были объединены в Воронежском авиационном университете, где прежде готовили только специалистов аэродромных служб.

Влияют на степень угрозы и проблемы развития такого военно-политического процесса, как военное (военно-техническое) сотрудничество России со странами Кавказского региона. Это касается прежде всего

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. № 298. 30.12.2014.

Азербайджана и Армении. Неготовность Баку продолжить сотрудничество с Россией сделало невозможным дальнейшую эксплуатацию Габалинской РЛС. А проблемы на базе ВС РФ в Гюмри значительно осложнили государственно-гражданский диалог с местным населением, ослабляя позиции группировки российских войск в Республике Армения. Особую проблему создает обеспечение сбалансированности военно-технического сотрудничества России с обеими странами.

Миротворчество – еще один военно-политический процесс, так или иначе связанный с возникновением угрозы безопасности Российской Федерации. В 2008 году Грузия не только развязала вооруженную агрессию против Южной Осетии, но и нанесла удар находившимся там российским миротворческим силам.

Ряд военно-политических процессов, имеющих место в Российской Федерации в целом, а не только в СКФО, следовало бы упомянуть хотя бы номинально в теоретико-методологической разделе, где дается определение этому понятию, раскрывается его сущность и содержание. Степень эффективности их реализации ограничивает угрозы, порождаемые милитаризмом, терроризмом, сепаратизмом и т. п. явлениями, характеризующими развитие военно-политической обстановки в Кавказском регионе.

Среди таких процессов стоило упомянуть расширение круга государств-партнеров и развитие сотрудничества с ними на основе общих интересов в сфере укрепления международной безопасности в соответствии с положениями Устава ООН, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, укрепление системы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и наращивание ее потенциала, усиление взаимодействия в области международной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), взаимодействие с Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия в целях обеспечения совместной обороны и безопасности.

Это и такие военно-политические процессы, как стратегическое сдерживание; мобилизационная подготовка высших органов государственного и военного управления; оперативное оборудование территории страны в интересах обороны, являющееся составной частью процесса военного строительства; поддержание мобилизационной готовности экономики Российской Федерации, а также развитие оборонно-

промышленного комплекса и военной науки; разведывательная и контрразведывательная деятельность; военно-дипломатический процесс, контроль над вооружениями и их ограничение; ведение специальной пропаганды; военно-патриотическое воспитание граждан России и их подготовка к военной службе.

Самостоятельное значение приобретают военно-политические процессы выработки и принятия управленческих решений в сфере обороны, их последующей реализации в тесном взаимодействии государства, его военной организации и институтов гражданского общества.

Что касается факторов, определяющих специфику (характер, масштаб, динамику и формы) военно-политических процессов современности, которые объединены во втором положении, вынесенном на защиту, то в их числе точно также оказались лишь такие негативные факторы, как политика милитаризма, политический гегемонизм, манипуляции этно-конфессиональными противоречиями, терроризм, а также один «нейтральный», объективно проявляющий себя фактор использования информационно-коммуникационных технологий.

Между тем есть более широкий перечень таких объективно действующих факторов, включающий исчерпание природных ресурсов и связанное с этим обострение экономической конкуренции, изменение климата планеты, рост ее народонаселения, распространение и утверждение в общечеловеческом сознании ценностей свободы, мира, справедливости, уникальности человеческой жизни и здоровья.

Все эти экзогенные факторы также влияют на военно-политические процессы современности, задавая приоритеты политики сдерживания, контроля над вооружениями и их сокращения, определяя конкретные направления военно-технической политики с акцентами на обеспечение повышенной живучести, принятие на вооружение средств нелетального действия, высокоточного оружия в неядерном оснащении, роботизированных, т. е. дистанционно управляемых беспилотных систем разведывательного, ударного и обеспечивающего назначения.

Соискатель уделяет должное внимание меняющемуся качественно-количественному составу участников (субъектов) военно-политических процессов в современных условиях, при сохранении за государством роли основного субъекта. Отрадно, что это не мешает Анне Вячеславовне заметить широкое вовлечение в военно-политические процессы внутригосударственных административно-территориальных образований, гражданского населения и его отдельных групп и сообществ. Тем более непонятно тогда, почему все это многообразие микросубъектов военно-

политических процессов, действующих неоднозначно по эту сторону «линии фронта», осталась за пределами исследовательских интересов диссертанта?

В таком случае военная политика России оказывается весьма пассивной и представляет собой только ответы на вызовы милитаристов, гегемонистов, террористов и иже с ними. Иначе говоря, подобный подход обрекает нас *«на развертывание "зеркальных" военно-политических процессов по обеспечению безопасности государства»* (с.44), не оставляя за нами права на асимметричные, предупреждающие и упреждающие действия.

Возможно, этот вопрос не возникал бы, если бы в начале диссертации была сделана оговорка о том, что автор в рамках своего исследования ограничивается субъектами военно-политических процессов, изначально и злонамеренно противопоставившими собственные интересы интересам нашего государства и общества и ставшими поэтому очевидными источниками непосредственной угрозы нашей военной безопасности.

Между тем есть множество наших собственных субъектов военно-политической деятельности, которые в силу своего непонимания или корыстного интереса участвуют в военно-политических процессах, нанося своими неэффективными действиями очевидный ущерб обороноспособности страны.

Как справедливо замечает член Совета по внешней и оборонной политике Д. В. Тренин, гораздо больше проблем и задач решается на «внутреннем контуре» противостояния. Здесь, подчеркивает политолог, необходимо четкое осознание приоритетности внутреннего развития страны не только для ее международных перспектив, но и для ее собственного будущего. *«С такой экономикой и политэкономической системой, как сегодня, Россия конкурентную борьбу в конечном счете проиграет – со всеми тяжелыми последствиями такого поражения»*. Осуществление давно назревших перемен, обусловленное противостоянием с США (а именно они являются главным «бенефициаром» антироссийской военно-политической деятельности в Кавказском регионе), может потребовать, по мнению Д. В. Тренина, смены экономической и управленческой модели России, реформирования правящей элиты, которая в значительной степени служит не общенациональным, а узкокорпоративным и персональным интересам, создания условий для утверждения меритократии внутри правящего слоя и для главенства правовых отношений в экономике и обществе в целом. Это можно, в принципе, начинать делать сверху, сохраняя управляемость и не подвергая страну опасности дестабилизации².

² Тренин Д. В. Внутренний контур внешней политики [Электронный ресурс] // Ведомости. № 3978 от 10.12.2015 г. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/12/10/620365-plan-v>

Зачастую посягающие на интересы России субъекты не афишируют своего участия в военно-политических процессах, развивающихся в Кавказском регионе, и избегают персонификации. В связи с этим в военно-политических процессах возрастает значение военно-блоковой политики, в рамках которой непосредственное бремя ведения войны перекладывается на союзников (война по доверенности – *reg pro cura*). Другой формой субституции в военно-политической деятельности становится государственно-частное партнерство с привлечением частных военных компаний. К обезличиванию поражающего воздействия стремятся и при применении специальных программных средств по объектам нашего информационного ресурса или в случае его несанкционированного перераспределения.

Некорректно высказывание автора на с. 66: *«Армянские пограничники отвечают за патрулирование границ с Грузией и Азербайджаном, в то время как российские войска продолжают контролировать армянские границы с Ираном и Турцией»*. При реорганизации Федеральной пограничной службы в 2003 г. войсковой компонент в охране границы упразднен. В источнике, на который ссылается соискатель (интернет-портал «Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив»), сказано, кстати, иное: *«Российские пограничники охраняют государственные границы Армении с Турцией и с Ираном. Граница с Азербайджаном, которую прикрывают войска министерства обороны, находится под контролем военного ведомства Армении, а границу с Грузией охраняют погранвойска Службы национальной безопасности республики»*. И тут возразить нечего.

Что касается группировки российских войск, то в отличие от четырех пограничных отрядов и отдельного КПП, подчиненных Пограничному управлению ФСБ России в Армении, она решает более широкие задачи. В соответствии со статьей 4 Договора между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения, от 21 августа 1992 г. Вооруженные Силы в период их пребывания на территории Республики Армения, кроме функций защиты Российской Федерации, обеспечивают совместно с Вооруженными Силами Армении безопасность Республики Армения по внешней границе бывшего Союза ССР.

Некоторые географические и геополитические заключения в работе вызывают сомнение. Так, трудно представить, что *«Кавказский регион ... объединяет Центральную Европу со странами Средиземноморского бассейна»* (с. 113). Турция при этом отнесена к числу *«внерегиональных*

игроков», хотя ее роль в этом формирующемся «общем пространстве политических и экономических интересов» куда более значительна.

Нельзя согласиться и с утверждением, что именно в период 1994–1996 гг. «началось проникновение в регион салафитского движения» (с. 114). Так, по мнению доктора исторических наук А. В. Мартыненко, «история проникновения салафий на территорию России берет начало еще в советский период, когда первые приверженцы этого учения появились на Северном Кавказе. Правда, к 1982–1984 гг. советские и партийные власти при поддержке органов КГБ и МВД временно подавили эти сообщества»³.

В действительности салафитский ислам (ваххабизм) имеет на Кавказе куда более глубокие корни, так как в Лезгистане ислам приняли еще в VII в. от праведных халифов и сохранили в первоизданном виде, к чему обратились в XVIII–XIX вв. лидеры салафитского движения, призывавшие вернуться к религии предков ('аслаф' – арабск. اسلاف). Кроме того, в незатронутых жестокими антиисламскими репрессиями 20–30-х годов прошлого века селах аварского нагорья, даргинского предгорья и кумыкской равнины, в советский период сохранились анклавные общины, в которых удалось законсервировать исламскую жизнь на бытовом уровне. Постепенно в подобных местах сложились неформальные центры религиозной мысли, подпольного изучения религии, заучивания Корана и передачи религиозных знаний. К моменту краха СССР именно из подобных анклавов подпольной религиозной жизни в аварских, даргинских и кумыкских районах и началось бурное возрождение ислама в его наиболее архаичных формах⁴.

Техническое исполнение диссертации не вызывает нареканий.

Встречаются нарушения норм правописания: «агенство» (с. 48, 179, 190). На с. 64 – нарушено правило склонения имен существительных: «роль внешних факторов в формировании».

Нередки отступления от нормы употребления прописных и строчных букв. Они встречаются, например, в библиографическом описании источника №131 на с. 190 – «Рос. Ин-т стратег. Исслед.». Со строчных букв пишутся стандартные названия органов власти зарубежных стран (на с. 41 обнаруживаем: «Министерство Обороны США», на с. 54 и 89 – «Министерство обороны США»). А вот в названиях важнейших

³ Мартыненко А. В. Салафиты в постсоветской России: история распространения, деструктивный потенциал [Электронный ресурс] // Грамота. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2013_4-3_29.pdf

⁴ Слабы ли лезгины в Исламе и почему? [Электронный ресурс] // Лезгинский информационный портал LezGi Yar. Режим доступа: http://lezgi-yar.ru/news/slaby_li_lezginy_v_islame_i_pochemu/2011-10-31-484

международных организаций с прописной буквы пишутся все слова: *Организация Объединенных Наций*, а также ее *Генеральная Ассамблея* (с. 43). Должность главы государства и упоминание конкретного нормативного правового акта на с. 60 следует писать с прописных букв («*указом президента России Д. А. Медведева от 19 января 2010 года*»), как это сделано тут же, на с. 61 в подстрочном примечании № 66.

Неправильно употреблены прописные буквы в названии «*Военная Доктрина*» в тексте на с. 86, 90, 95, 111, а также в названии «*Вооруженные силы*» на с. 94 и в названии «*Организация Североатлантического Договора*» (с.173). Нужна строчная буква и в словосочетаниях «*Кавказские государства*» (с. 110, 172), «*Закавказские государства*» (с. 142) и в слове «*Ислам*» (с. 120).

Не следует выделять кавычками названия, приводимые в латинице: «garrison state» (с. 20), «soft power», «smart power» (с. 100), «Kavkasia.net», «Vesti.az», «Regnum» (с. 179), «Interfax» (с. 180), «kvkz.ru» (с. 181), «REGNUM» (с. 182), «Federalbook.ru» (с.184) и т.д. А вот заключить в кавычки название террористической организации *Исламское государство Ирака и Леванта* на с.131 (то же – на с.148) следовало бы, как это верно сделал соискатель на предшествующей странице (если не делать официальную оговорку о запрете этой организации или не подчеркивать свое отношение к ней местоименным выражением «*так называемое*»).

Отмечаются и иные ошибки. Так, на с. 43 и 192 составитель словаря-справочника «*Политическая наука*» Санжаревский И. И. назван «*проф<ессором> пол<итических > наук*». На с. 41 (дважды) и с. 197 допущена ошибка в написании фамилии Дмитрия Леонидовича Цыбакова. В подстрочном примечании на с. 47 находим сразу две опечатки – «*Радткальный*» и «*Электрронный*». На с. 84. – «*Оргнаизации*». В подстрочном примечании 171 на с.133 в названии «*Встреча с офицерами, назначенными на высшие военные командные должности*» слова «*военные*» быть не должно, т.к. и на встрече 31 октября 2014 года, о которой идет речь, и на всех других аналогичных встречах присутствовали офицеры, назначенные на высшие должности не только в военных, но и в правоохранительных структурах.

На с.170 НАТО ошибочно названа «*Организацией Североатлантического региона*» вместо «*Организации Североатлантического договора*».

Есть некоторые замечания по стилистике текста. Так, на с. 36 не очень внятно звучит фраза: «*Это <сложность исследуемого явления – С.М.> повышает ценность научных знаний, полученных эмпирическим путем, что*

является одним из условий повышения результативности управления». Нуждается в редакторской правке и следующий далее абзац.

Высказывание соискателя на с. 57 (*«такие процессы должны явиться как предмет строгого научного анализа, так и глубинных эмпирических исследований»*) не только нарушает стилистическую норму употребления двойного союза *«как..., так и ...»* (правильным был бы порядок слов: *«предметом как ..., так и ...»*), но и по смыслу своему самым пагубным образом противопоставляет строгий научный анализ глубинному эмпирическому исследованию, отказывая ему в научности. Соответственно научный анализ отрывается от эмпирических исследований, т. е. лишается опыта как одного из важнейших оснований для вывода.

Не согласован с обобщающим словом и фрагмент перечисления на с. 44: *«...проявляется в следующем: <...> – переноса политики "дестабилизации" ...»* (вместо *«переносе»*).

Неправильное согласование допущено в следующем предложении: *«Это выглядит как рефлексия на радикальное изменение баланса сил в регионе, вызванного наращиванием здесь военного присутствия России»*. Следовало бы написать *«вызванное»*, поскольку это причастие относится к слову *«изменение»* и должно согласовываться с ним, а не со словом *«баланса»* (с. 107).

Пропущенное дважды на с. 38 слово в словосочетании *«анализ регионального <военно->политического процесса»* вносит неточность в высказывание. Пропущено слово и на с. 109: *«В данной корректно проанализировать параллель...»*.

Из двух вариантов написания глагола *«обусловливает(ся)»* (встречается только на с. 71) или *«обуславливает(ся)»* и производного от него причастия (находим на с. 11, 16, 23, 38, 41, 51, 54, 78, 84, 100, 105, 108, 114, 118 – дважды, 124, 125, 128, 129, 134, 147, 149, 155, 162, 168, 171, 231, 236, 261, 265) диссертант выбирает второй, менее предпочтительный.

В примечании 96 на с. 74 используется неправильное выражение *«имеющих место быть»* – результат контаминации двух различных выражений. В просторечии это выражение используется лишь в ироничном смысле и неуместно для научного текста.

На с. 82 встречается стилистически немотивированное использование экспрессивных средств: *«В данной палитре необходимо зафиксировать и ряд интенсивных встреч...»*. Далее, на с. 90, вновь обнаруживается живописно-световая метафоричность, которой так привержен соискатель: *«Подобные штрихи создают вполне ясную картину, если осветить специфику отношений Азербайджана с Ираном»*.

Неформальный топоним «*Штаты*» (с. 113, 137, 141) является отступлением от принятой литературной языковой нормы и нежелателен в научном тексте.

Стилистика текста оставляет желать лучшего и во фрагменте: «*Эти специфичные черты являются причиной того обстоятельства, что в Кавказском регионе проблемы милитаристской политики и гегемонизма, проявления религиозного экстремизма, национализма и терроризма, растекание оружия массового уничтожения, проявляются наиболее фактурно*» (с. 125). Помимо нагромождения слов, мы видим здесь и иные лексико-стилистические ошибки: вместо «*растекания*» следовало использовать слово «*распространения*» (на с. 132 соискатель уже оформляет это слово кавычками), а определительное качественное наречие «*фактурно*», если и выражает характеристику или оценивает действие, признак, то лишь относящийся к прилагательному «*фактурный*», т. е. обладающий, характеризуемый ярко выраженной фактурой (соискатель использует это слово трижды – на с. 3, 72 и 260).

По С. И. Ожегову, Д. Н. Ушакову, Т. Ф. Ефремовой это слово, используемое в искусствоведческих текстах, означает своеобразие художественной техники в поэзии, музыке, живописи или скульптуре. Два других значения слова еще дальше от предмета исследования и означают «*особенности отделки или строения поверхности какого-либо материала*», а также «*препроводительную опись посланного товара с указанием цены*».

В любом случае можно констатировать нарушение требования единства функционального стиля.

Завершая диссертационное исследование, А.В.Виловатых делает совершенно верные выводы о том, что среди основных направлений политики по обеспечению безопасности Российской Федерации в Кавказском регионе приоритетными для нас являются невоенные – выстраивание коллективной системы региональной безопасности, минимизация деструктивной активности внерегиональных субъектов военно-политических процессов, противодействие политизации религии, снижение уровня межнациональной напряженности, борьба с терроризмом, которая отнюдь не сводится к одним лишь контртеррористическим операциям или силовому компоненту, о чем весьма убедительно пишет А.В.Виловатых на с. 143-151.

К сожалению, обосновывая и излагая эти правильные выводы, соискатель находит для них не самые лучшие логико-стилистические средства: «*Наиболее оптимальный способ обеспечения безопасности государства - это учет важности политических, экономических, социальных и социокультурных факторов, в дополнение к традиционным*

военным аспектам» (с.129). Тут и плеоназм «*наиболее оптимальный*», и представление «*учета важности*» как «*способа обеспечения безопасности*» и стилистическая ошибка соединения в однородном ряду скрещивающихся понятий (*факторы дополняют аспекты*).

Не вполне понятен смысл высказывания на с.130: «*Таким образом, эта война создаст еще одну дополнительную угрозу безопасности региона, примыкающего к границам России и являющегося одновременно его частью*».

На с.140 вместо «*уже сложены социально-экономические условия*» лучше было бы написать «*уже сложились социально-экономические условия*».

Работа снабжена необходимым справочно-библиографическим аппаратом. Некоторые источники в списке представлены не совсем корректно. Так, в № 65 списка (с. 183) заголовок статьи не отделен должным образом от наименования периодического издания предписанным знаком пунктуации (условным разделительным знаком *две косые черты*). А в № 110 этот знак не требуется (с. 188).

Источники на иностранных языках описываются в соответствии с общими требованиями на языке оригинала (языке библиографирующей организации). Не [Электронный ресурс], как на в №№ 215, 218, 225, 227 и далее (см. с. 199 и ниже), а [Electronic resource].

Соискатель изящно соединил в использованном им названии «*Список источников и литературы*» (с. 177) требования п. 5.10 ГОСТ 7.32-2001 «Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления», в котором этот раздел именуется «*списком использованных источников*», и общие требования к оформлению кандидатских и докторских диссертаций и авторефератов диссертаций, предписываемые ГОСТ Р 7.0.11-2011, в соответствии с которым этот раздел называется «*списком литературы*». Поскольку оба ГОСТа действующие, трудно что-либо возразить, хотя по смыслу «*список источников*» представляется более точным названием, будучи более общим и охватывающим все виды носителей (в отличие от «*литературы*»).

Представленный автореферат вполне соответствует диссертации и в достаточной мере отражает ее основное содержание.

Следует подчеркнуть **практическую значимость** исследования, предпринятого А.В.Виловатых. Его результаты будут интересны для ученых и практических политиков, внимание которых обращено на Кавказский регион и те военно-политические процессы, которые в нем развиваются, порождая угрозы безопасности Российской Федерации. Диссертация

представляет интерес и для работников высшего профессионального образования по курсу военной политологии, геополитики, теории безопасности, специального регионоведения.

Работа соискателя прошла должную **апробацию**. Полученные результаты докладывались на научных конференциях всероссийского и международного уровня, использовались в практической преподавательской деятельности в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации. Основные положения диссертации отражены в опубликованных научных трудах, включая три статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК, как это предусмотрено в пп. 11 и 13 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (далее – Положение о порядке присуждения ученых степеней).

ВЫВОД:

Подготовленная А. В. Виловатых диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук представляет собой научную квалификационную работу, в которой на основании самостоятельно выполненных автором исследований решена актуальная задача, имеющая значение для развития системы военно-политических знаний об угрозах безопасности Российской Федерации в Кавказском регионе, на одном из важнейших для нашей страны стратегических направлений.

Диссертация А. В. Виловатых соответствует требованиям пункта 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней.

Отмеченные недостатки не относятся к существу работы и не влияют на общую положительную оценку диссертации. Высказанные замечания представляют собой, скорее, пожелания и рекомендации для последующей научной работы диссертанта. Соискатель **заслуживает присвоения ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии.**

Официальный оппонент
доктор философских наук
доктор политических наук
профессор

 С. Модестов

**Личную подпись официального оппонента Модестова Сергея Александровича
Удостоверяю**

**ВРИО Секретаря Ученого совета Научно-исследовательского и
образовательного Центра оборонных проблем Академии военных наук
кандидат военных наук, доцент**

 А. Черноусенко

